

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. (К 90-летию со дня рождения)

Портрет работы художника Л. БАСКИНА

сдали бы в нашу рабочую библиотеку».

Особенно его разозлило, когда я заметил, что это книги специальные, научные и для их библиотеки не годятся. Он сказал: «Хотите быть умнее всех. А вот товарищ Луначарский приказал все книги отбирать и сдавать в рабочие библиотеки».

Не знаю, чем бы кончился этот разговор, если бы вдруг не открылась дверь комнаты и не вышел... Анатолий Васильевич. Дело в том, что он приехал ко мне работать и невольно слышал за дверью весь разговор. Он спокойно посмотрел на рабочих: «Напрасно вы говорите, товарищи, я этого никогда не приказывал».

Мои посетители, извиняясь на ходу, покинули квартиру. Анатолий Васильевич еще долго смеялся и говорил, что он явился «деус экс машина», только не в древнегреческой трагедии...

Общезвестно, что Луначарский был очень общителен и доступен. Когда Советское правительство переехало из Петрограда в Москву, Луначарский вместе с другими членами правительства некоторое время жил в Кремле. Но так как посетителям приходилось получать в комендатуре всякий раз пропуск, а желающих повидаться с наркомом бывало очень много, то Анатолий Васильевич предпочел перебраться в город. Ему и была предоставлена квартира в Денежном переулке, где он поселился со своей женой Натальей Александровной Розенель.

Трудно передать впечатления от вечеров, проведенных у Луначарских за время 1925—1933 годов. Припоминаю и семейные торжества, и традиционные новогодние вечера, литературные и музыкальные собрания, чтение новых пьес, выступления поэтов.

Я постоянно встречал там писателей А. Толстого, молодого А. Фадеева, В. Маяковского, М. Кольцова, И. Уткина, А. Жарова, А. Безыменского, И. Сельвинского, В. Инбер, Б. Пастернака, драматургов А. Глебова, Н. Эрдмана, С. Третьякова, оперных певцов И. Козловского, А. Батурина, артистку Веру Дулову, артистов А. Южина, М. Ленина, Ю. Юрьева, Е. Турчанинову, В. Массалитинову, Е. Гоголеву, К. Пугачеву, художников П. Кончаловского, Г. Якулова, А. Архипова и многих, многих других.

Бывали в доме старые друзья Луна-

Вообще говоря, подавляющее большинство написанного Луначарским представляет собой вольную импровизацию, продиктованную стенографисткам или машинисткам.

Такая манера работы наложила своеобразный отпечаток на стилистику статей Луначарского. Они написаны живым, разговорным языком, что, разумеется, облегчает восприятие и при этом ничуть не снижает их научной ценности.

Утро Луначарского начиналось с того, что он просматривал программу своего рабочего дня. Подготовка эта носила условный характер: иногда возобновленная в памяти деталь уже открывала путь к предстоящей статье или устному выступлению. Однажды при мне к Анатолию Васильевичу подошел какой-то восторженный человек и воскликнул: «Боже мой, да когда вы успеваете приготовить такую блестящую лекцию? Ведь в ней столько эрудиции!»

Анатолий Васильевич улыбнулся: «Я вам отвечу анекдотом. Знаменитый профессор-медик пришел к больному, за десять минут поставил диагноз и назначил лечение. Скуповатая жена больного не удержалась и сказала: «Профессор, вы берете десять рублей за десять минут». На это медик возразил: «Я беру с вас десять рублей за науку всей моей жизни, разве это дорого?» Так вот и я, — закончил Луначарский, — всю жизнь готовился ко вчерашней, сегодняшней и завтрашней лекции. Разве это малый срок?»

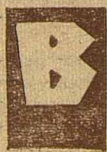
Во время работы со стенографисткой или литературным секретарем было не принято отрывать его. Однако случались неотложные звонки, приходили люди, говорившие, что у них срочное дело. Анатолий Васильевич прекращал диктовку, а затем быстро входил в работу, продолжая оборванную фразу. В нем жило любопытное сочетание внешней рассеянности и внутренней сосредоточенности.

О рассеянности Луначарского рассказывают множество анекдотов — и придуманных, и взятых из действительности. Он постоянно терял календари, зонтики, палки. Однажды, когда он был уже очень болен, в доме собрались многочисленные гости. Общение с ними, по-видимому, утомило Анатолия Васильевича. Он сидел на диване в уг-

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

ВСТРЕЧИ С ЛУНАЧАРСКИМ

Александр ДЕЙЧ

В СЕ, кто близко знал Анатолия Васильевича Луначарского, повседневно встречался с ним, не могли не ощущать огромного обаяния этого чуткого, необычайно жизнелюбивого и остроумного человека.

Очень многие писатели, артисты, музыканты, художники — москвичи 20—30-х годов — хорошо знали Васильевича (ныне улица Веснина) и Глазовском переулке (ныне улица Луначарского). Здесь на пятом этаже находилась квартира Анатолия Васильевича.

Дом Луначарского меньше всего походил на светский салон. В его просторных комнатах шли оживленные толки о новых книгах, постановках и художественных выставках, устраивались концерты.

Квартира состояла из семи комнат, вмещала гостиную с галереей. В гостиной у камина стоял рояль, и руки известнейших виртуозов касались его клавиш.

Рабочий кабинет Анатолия Васильевича непосредственно примыкал к передней. Окно кабинета выходило на тихую улицу. Небольшая комната едва вмещала письменный стол, всегда заваленный книгами, бумагами, папками. На небольшом диване и на маленьких стульях тоже всегда лежали книги и рукописи. У входа стоял книжный шкаф главным образом со справочными изданиями. Относясь не особенно бережно к своим книгам, Анатолий Васильевич очень берег чужие и всегда возвращал их. А свои книги охотно всем давал и не очень огорчался, когда их «зачитывали».

Трудно перечислить круг его интересов как читателя. Обычно люди, занимающиеся гуманитарными науками, проявляют равнодушие к естественным

— к математике и физике, к медицине и астрономии... Но Анатолий Васильевич, слушавший еще в Цюрихском университете курс естественных наук, всегда знал последние достижения и в этой области, следил за нашими и иностранными научными журналами. К нему часто обращались специалисты с каким-нибудь очень профессиональным вопросом.

Книги читал Анатолий Васильевич вдумчиво, живо реагируя. На полях книг он писал возражения автору, иногда одним словом, иногда просто знаками (восклицательными или вопросительными). Иногда соглашался с автором и одобрял его: «Верно. Я тоже так думаю». Или наоборот: «Зря. Напутал. Понесла его нелегкая». И, наконец, предел несогласия и негодования: «Дальше и читать не буду».

Помимо воли хозяина квартиры книги все накапливались и оседали. Довольно пестро и беспорядочно стояли и лежали они на полках, выстроенных в коридоре. Найти что-либо нужное было почти невозможно, и легче, казалось, взять книгу в библиотеке, чем искать на полках коридора или на галерее большой гостиной.

Мне припоминается один забавный случай. В конце двадцатых годов я жил на нынешней улице Горького, недалеко от Белорусского вокзала, в высоком доме, который был отдан фабрике «Большевик», и им управлял завком. Как-то молодые ребята-общественники пришли проверить санитарное состояние квартиры. Добрались до седьмого этажа, где я жил, позвонили, ввалились в переднюю и сразу начали меня упрекать за беспорядок: в передней до потолка стояли полки с книгами. Я объяснил им, что квартира маленькая, а книг много. Тогда один из них довольно грубо сказал мне: «Видать, вам книги не нужны,

чарского посылке. И. С. Гроссман-Рощин, П. И. Лебедев-Полянский, такие политические деятели, как Ф. Раскольников, Г. М. Леплевский, В. А. Антонов-Овсеенко, А. И. Егоров, М. М. Литвинов, С. М. Буденный. Хозяин дома очаровывал всех своим неиссякающим талантом связывать и объединять даже далеких по интересам людей.

Луначарский спал очень мало, чаще всего пять часов в сутки. Он поздно ложился, возбужденный нервным трудовым днем, и рано вставал. Анатолий Васильевич успевал много прочитать и записать в свой неизменный блокнот несколько слов, которые помогали ему запомнить содержание прочитанного. Ему только был нужен секретный, понятный ему одному ключ, которым он отпирал большой ларец своей памяти. Когда Анатолию Васильевичу приходилось готовиться к лекции, он редко составлял подробный конспект, а если и составлял, то далеко отходил от него, перестраиваясь на ходу и мгновенно ориентируясь на аудиторию. Только в очень редких случаях, когда дело касалось сложной проблемы, Луначарский записывал план доклада или лекции и даже давал его перепечатать на машинке.

Но обычно Луначарский не пользовался никакими «шпаргалками» и в блокнот с беглыми заметками почти не заглядывал.

С юных лет у Луначарского был скверный, неразборчивый почерк. Отчасти это объясняется тем, что его мысль всегда опережала письмо. Поэтому он часто не дописывал слова и ставил одну букву вместо другой. Ему приходилось не раз извиняться за почерк перед машинистками и стенографистками. Курьезнее всего, что он часто сам не мог прочитать написанное им и тогда передиктовывал целые фразы заново.

лу большой гостиной и, как мне показалось, дремал. Я подошел к нему.

— Голубчик, — сказал Анатолий Васильевич, — надо вызвать машину, пора домой.

— Так вы же дома, — удивился я. Он ответил спокойно:

— Тем лучше. Тогда я тихонько уйду спать.

Как-то он торопился на прием в Наркоминдел, забыл надеть обязательный в таком случае смокинг и накинул легкое летнее пальто поверх жилета. Так он и приехал на прием и, конечно, должен был возвратиться домой.

Другой раз он уехал поездом по какому-то делу за границу. Мы проводили его на вокзал. На следующую ночь, очень поздно, раздался резкий телефонный звонок. Я снял трубку и услышал далекий глухой голос Анатолия Васильевича. Спросонья мне показалось, что он уже звонит из Берлина.

— Вы в Берлине? — спрашиваю.

— Это умные в Берлине, а я — в Минске.

Выяснилось, что он забыл дипломатический паспорт и вынужден был застрять в Минске. Позвонил же он так поздно потому, что уже успел прочитать где-то лекцию для рабочей аудитории. Стал звонить домой, никто не ответил, поэтому он позвонил мне с просьбой сообщить, чтобы ему срочно выслали паспорт в Минск.

Редакции газет и журналов, научные учреждения, устроители лекций, заведующие рабочими клубами осаждали Луначарского по телефону и лично, ловили его в Наркомпросе, дома и даже на улице. Анатолий Васильевич не любил и не умел отказывать. Бывали случаи, когда особенно напористые администраторы подхватывали его на улице и увозили для выступления. Трудно представить себе, какую физи-

ческую и умственную нагрузку выносил Анатолий Васильевич. Но именно в этой непрерывной смене воспринимаемых впечатлений и знаний заключалась его жизненная сила. Отдыхом Луначарского была перемена работы. Заболев легким гриппом, он перевел стихи венгерского классика Шандора Петефи, пользуясь немецким текстом, так как венгерского языка он не знал. Такое времяпрепровождение не утомляло, а освежало его, и он называл это «творческим оазисом».

Среди многочисленных «страстей» Луначарского едва ли не преобладающей была страсть к театру.

Любое событие театральной жизни: новый спектакль, юбилейная дата деятеля искусства, только что родившаяся пьеса советского драматурга, вновь организованная театральная студия, интересный сценический эксперимент режиссера, удачная актерская роль — все находило отклик у Анатолия Васильевича, и притом почти немедленный. Так возникли короткая газетная рецензия, теоретическая статья, публичное выступление на творческой дискуссии, доклад, лекция.

Книгу Анатолий Васильевич мог бросить недочитанной, но из театра до конца спектакля он никогда не уходил. И каким бы безнадежным ни казался ему спектакль, он смотрел его сцену за сценой, действие за действием, ища хоть несколько положительных черточек.

...Поздней осенью 1923 года я приехал в Берлин и встретился там с Анатолием Васильевичем. Он вместе с Литвиновым отправлялся в Женеву на Конференцию по разоружению. Несколько дней, проведенных в Берлине, были заполнены театральными впечатлениями. Анатолий Васильевич с увлечением рассказывал о спектакле молодого театра, поставившего пьесу «Трехгрошовая опера». Он с Наталией Александровной и Литвиновым уже побывал на спектакле. В первый же день моего приезда он прямо заставил меня пойти в театр и познакомиться с автором пьесы молодым поэтом и драматургом Бертольтом Брехтом.

«Трехгрошовая опера», сюжет которой заимствован Брехтом из старинной английской пьесы Джона Гея, в интерпретации театра выглядела памфлетом на современное немецкое общество. Благотворительная буржуа, дельцам и эксплуататорам Брехт противопоставил мир нищих, воров и бандитов. Здесь ловкой рукой мастера-драматурга сплелись понятия и представления о честности, любви и дружбе. Геронизируемые обитатели лондонского «дна» ставились гораздо выше, чем окариатуренные и развенчанные «сливки» высшего общества. Спектакль был синтетического типа: мелодрама, столь любимая Луначарским, как народный жанр сменялась фарсом, и через всю пьесу, шедшую в стремительном темпе, проходили музыкальные номера. Брехт находчиво и остроумно вкладывал в уста героев куплеты и арии. Композитор Курт Вейль, сотрудничавший с Брехтом, внес много зазора в этот спектакль. Берлинцы запоминали мелодии куплетов, а «Трио о Справедливости» по политической остроте и злободневности звучало прокламацией.

Брехта на спектакле не оказалось, и я не мог с ним познакомиться. Зато на другой день, когда я пришел в номер к Луначарским, я застал там худощавого молодого человека, одетого в простую куртку. Его бледное утомленное лицо свидетельствовало о большой умственной работе. Обращали на себя внимание очки, старомодные, в простой железной оправе и с эллиптическими стеклами. Решительно их владелец не притрагивался к моде. Это и был Бертольт Брехт. Когда он разговаривал с Анатолием Васильевичем, чувствовалось огромное уважение к собеседнику. Иногда лицо озарялось скромной застенчивой улыбкой. Немного слов Брехта бросалось в глаза. Он предпочитал слушать и отвечать на вопросы. Но когда заговорили о «Трехгрошовой опере», Брехт оживился, на лице появился румянец. Анатолий Васильевич и Наталия Александровна стали восторгаться спектаклем. Брехт сказал, что мечтает показать спектакль в Москве, но едва ли это возможно.

— Да, это пока трудно осуществить, — заметил Луначарский. — Но я хочу взять у вас пьесу и ноты и передать Таирову. Мне кажется, что наш Камерный театр может оживиться, поставив вашу «Трехгрошовую оперу».

И Анатолий Васильевич стал рассказывать, что у театра есть возможности стать современным, но Таиров слишком увлечен тем, как ставить, а не что ставить. Вот мы ему и привезем, что ставить.

Действительно, Камерный театр поставил, по совету Анатолия Васильевича, пьесу Бертольта Брехта под названием «Опера нищих».

Репертуар наших театров занимал Луначарского чуть ли не с первых дней Октября. Он опасался скороспелых опытов в драматургии. Помню, как однажды в беседе с молодыми драматургами, организаторами Масткомдрама (Мастерская коммунистической драматургии), Луначарский рассказал образную китайскую притчу о мандарине, который в угоду своему богдыхану развесил на голых ветвях деревьев зимнего сада бумажные цветы и уверял, что наступила весна. Этот образ «бумажной весны» недаром так часто повторялся в критических работах Луначарского.

— Пуще всего надо бояться в нашем театре такой бумажной официальной весны, — резюмировал Анатолий Васильевич. — Я вас призываю создавать не злободневные агитки, а подлинно революционные пьесы без нахлобучивания колпака тенденции на их головы.

Анатолий Васильевич великолепно знал мировую драматургию. Стоило вспомнить какую-нибудь пьесу из любой эпохи и на любом языке, и он тотчас мог рассказать ее содержание.

Я уже говорил о том, что Анатолий Васильевич любил диктовать машинистке или стенографистке статьи и даже целые книги. Пьесы Луначарский чаще всего импровизировал, как бы разыгрывая их вслух на разные голоса, с разными интонациями.

Луначарский артистически читал свои драмы. Актеры, слушая его, как бы видели перед собой то, что им предстоит играть, старались запомнить жесты и интонации автора. Однажды на чтении Луначарским пьесы «Народ» в бывшем Незлобинском театре один артист сказал:

— Да вы, Анатолий Васильевич, прекрасный актер. Переходите к нам в труппу, мы вам хорошую ставку дадим.

Луначарский засмеялся: — Спасибо! Но в должности народного комиссара по просвещению я тоже как будто на месте.

Повседневной занятием кипучей государственной работой, Анатолий Васильевич находил время для творчества, и это всегда было для него радостным праздником.

...В начале 1930 года Луначарский возвращался из Берлина. Я его встречал на Белорусском вокзале. Не успел он выйти из вагона, как очень оживленно заметил: «Ну, я вам привез подарок, которого вы никак не ждали». И, остановившись, он открыл маленький чемодан и тут же, на перроне, не обращая внимания на вокзальную суету, передал мне небольшую книжечку в сиреневой обложке.

Это был литографированный экземпляр новой пьесы Вальтера Газенклевера «Napoleon greift ein» («Наполеон наступает»).

— Перед отъездом ко мне пришел Газенклевер и принес это. Он представляет нам право перевода на русский язык. — И Анатолий Васильевич торжественно показал пальцем в угол обложки, где стояли инициалы «В. Н.».

В машине Луначарский сказал, что он бегло просмотрел пьесу и она ему кажется любопытной, а главное, оригинальной.

— Представьте себе музей восковых фигур Гревен и бежавшего оттуда Наполеона. Из этого может получиться прекрасный современный памфлет.

Через несколько дней при встрече с Анатолием Васильевичем я ему передал русский перевод пьесы. Действительно, у Газенклевера получился почти злободневный памфлет, разоблачающий американских империалистов, претендовавших на захват материальных и духовных ценностей одряхлевшей Европы. При виде американской экспансии европейские политиканы мечтают о сильной руке диктатора, каково-нибудь нового Наполеона или Наполеончика. При всей забавности комедийных положений нападки Газенклевера на американский империализм выглядели с нашей точки зрения слишком безобидными и неубедительными.

«Надо приблизить пьесу к современному пониманию и заострить ее политическое звучание», — так резюмировал Луначарский свое отношение к пьесе, с которой он написал блестящую статью под названием «Вмешательство Наполеона». Анатолий Васильевич предложил мне совместно с ним переработать пьесу, на что немецкий драматург дал полное согласие.

Мы понимали, что сценический успех пьесы будет зависеть во многом от исполнителя главной роли Наполеона. Кто же сыграет Наполеона? Комедийных актеров во всех театрах было достаточно, но тут нужен талант, соединяющий настоящее чувство юмора с острой рисунком. Анатолий Васильевич сказал: «По моему, нам не надо лучшего исполнителя, чем Азарин. Он и внешне,

и внутренне весьма подойдет к нашему Наполеону».

Азария Михайловича Азарина, артиста 2-го МХАТа, я знал по многим ролям. От своих учителей — Е. Вахтангова, М. Чехова, К. Станиславского — он взял все лучшее: жизненное, психологическое углубление, детализацию сценического образа. И когда мы работали над текстом, мы его как бы «применяли» к Азарии Михайловичу.

Пришел день, и труппа 2-го МХАТа собралась послушать «Нашествие Наполеона» (так мы назвали пьесу). Анатолий Васильевич пригласил на читку М. М. Литвинова, который явился со своим «наркоминдельским штабом». Максим Максимович очень любил Луначарского и относился дружелюбно к его литературным работам, но тут была опасная международная тема, и он шутил, что мы из-за легкомыслия можем вызвать «дипломатический скандал». Читал Луначарский, как всегда, мастерски, с удивительно точными интонациями. Он до того выразительно изображал различные персонажи, что даже не требовалось называть их: Наполеон имел свои интонации, американский миллионер Моррис — свои, и так далее. Чтение прерывалось веселым смехом. Литвинов смеялся громко и заразительно.

Спектакль, на мой взгляд, получился интересный, но слишком необычный для того времени и не легко воспринимаемый зрителем.

А. М. Азарин наиболее соответствовал стилю спектакля. Он сохранял свойственный ему благородный комедийный тон, не прибегая к шаржу или нажиму.

Я помню, что Анатолию Васильевичу очень понравился Азарин в роли Наполеона и по инициативе Луначарского корреспондент Унионфото сделал несколько снимков исполнителей главных ролей, а Наполеона — Азарина снял крупным планом рядом с Луначарским. Получился любопытный снимок.

...Мы перебирали драмы Романа Роллана, ища среди них наиболее созвучную для наших театров. Из циклов «Драмы революции» и «Трагедии веры», казалось, ничто не прозвучит с должной тональностью. Сперва мы хотели взяться за инсценировку «Кола Брюньона», но боялись, что аромат поэзии легко улетучится при огнях рампы. Наконец мы остановились на одной из ранних пьес — «Настанет время».

Перечитали пьесу. Пришли к единогласному выводу: интересно, сильно, но идея целиком пацифистская. «Надо переставить акценты», — говорил Луначарский, — и тогда прозвучит столь нужная нам антивоенная тема, тема народно-освободительной борьбы». Анатолий Васильевич написал подробное письмо Роману Роллану и изложил нашу точку зрения.

Роман Роллан очень быстро откликнулся на письмо и прислал ответ, который я приведу полностью:

«Виль-Нев (Во) Вилла «Ольга»

16 мая 1933 года

Дорогой друг. Я получил Ваше письмо от 8 мая и благодарю Вас за предложение, которое Вы мне сделали. Я счастлив, что моя драма «Настанет время» будет поставлена на сцене театра Завадского.

Я прекрасно понимаю, что пьеса должна подвергнуться известной переработке, и я признаю Вам и тов. Деичу за то, что Вы хотите принять на себя эту работу.

Несомненно, облик действующих лиц, окраска сюжета и стиль слишком «кваркерские» и библийские для Москвы. Это не так-то легко изменить. Вопрос идет о «переориентировке» пьесы. Но лицемерие «цивилизации» — по-прежнему вопрос актуальный; братание жертв перед лицом смерти, сдержанный бунт их товарищей (в конце 2-го акта) могут прозвучать довольно образом, если сделать акцент на этих моментах.

К несчастью, у меня нет времени написать заново эту пьесу. Все мои силы, ослабленные болезнью, едва хватает для работы над окончанием цикла романов «Очарованная душа» и на постоянные выступления ввиду разрывавшейся кампаний борьбы с фашизмом. Вы мне доставите удовольствие, сообщив о тех переделках в пьесе, которые вы сделаете.

Надеюсь, что Ваше здоровье поправляется, и крепко жму руку, прося Вас передать т.т. А. Деичу и Ю. Завадскому мой сердечный привет.

Роман Роллан.

1932 год был трудным для Анатолия Васильевича. Его здоровье, расшатанное арестами, ссылкой, эмиграцией и непомерной работой, заметно ухудшалось. К тяжелой гипертонии и стенокардии прибавилась глаукома на одном глазу. Его лечили в Женеве, потом во Франкфурте-на-Майне, где он жил в окрестностях города на маленьком курорте Кенигштейне-им-Таунус. Ему стало трудно читать и работать, но он диктовал Наталии Александровне, которая читала ему и книги, и газеты, и журналы на разных европейских языках. Мысль его работала по-прежнему ярко и неустанно. Это был юбилейный гетевский год. Весной он сделал в Колонном зале в Москве доклад «Гёте и его время», один из лучших его докладов.

Когда Луначарский узнал, что во Франкфурте-на-Майне состоится грандиозный спектакль на площади — рыцарская эпопея Гёте «Гец фон Берлинген», он сбегал из Кенигштейна, чтобы присутствовать на спектакле. Никакие запреты врачей и уговоры близких не могли удержать его от этого театрального соблазна. Он продиктовал Наталии Александровне большую содержательную статью «Гец» на площади».

Из Швейцарии и Германии я все время получал от Луначарского письма — длинные и подробные — или открытки с видами живописного курорта Кенигштейн, лежащего в зеленой долине на фоне гор Таунуса и развалин средневековых замков. Получил я и машинописные пьесы «Настанет время». В русский текст перевода была введена многочисленная правка Анатолия Васильевича.

Хотя Роллан и писал, что у него нет времени для работы над пьесой, но Анатолий Васильевич сообщил мне, что он все-таки взялся за пересмотр текста и скоро должен нам его прислать со своими предложениями. Однако дело затянулось. Луначарский, вернувшись в Москву из Берлина, был подавлен и угрозой фашизма, нависшей над Германией, и тяжелой болезнью. Он с горечью и большой болью рассказывал о разгуле коричневых молодчиков в Германии, об их бесчинствах и убийствах, о том, что передовые немцы вынуждены покидать страну.

Работа над пьесой «Настанет время» была пока отложена. Мы наделись, что Роман Роллан все-таки пришлет нам свои предложения переработки текста.

И вот тридцать лет спустя, в мае 1964 года, Москву посетил один из крупнейших французских славистов профессор Клермон-Ферранского университета Жан Перюс. Занимаясь исследованием творческих отношений Горького и Роллана, Перюс собирал материал в Москве и, между прочим, выразил желание познакомиться со мной. С ним пришел сотрудник Иностранной комиссии Союза писателей В. С. Коткин с женой. Присутствовала также Ирина Анатольевна Луначарская, принесшая неопубликованные письма Роллана к Анатолию Васильевичу. Неожиданно В. С. Коткин показал нам французское издание драмы «Настанет время» с собственноручным посвящением Роллана одному его французскому знакомому, часто бывавшему в Советском Союзе. Но самым удивительным была внесенная Ролланом в текст правка от руки. Эта книга окружным путем случайно попала в руки В. С. Коткина и теперь передана им в ЦГАЛИ. Весьма возможно, что это был тот экземпляр, который Роман Роллан готовил для нас, но после смерти Анатолия Васильевича подарил его.

...Среди многих интересных вечеров, проведенных в доме Луначарского, мне запомнился вечер в июне 1933 года. В столовой собрались Отто Юльевич Шмидт, Илья Сельвинский, А. П. Довженко. Каждый из них был одержим своими творческими замыслами. Проходит немного времени, и легендарный «Челюскин» увезет в исторический полярный рейс О. Ю. Шмидта и Илью Сельвинского. Трогательно и поэтично сказал им напутствие Анатолий Васильевич, держа в руке бокал вина, и закончил: «А себе, бедному сухопутному исследователю глубин человеческих, я пожелаю выздоровления и дальнейшей работы».

Все подняли бокалы и прочувственно чокнулись с хозяином дома, вскоре уезжавшим за пределы нашей страны. Александр Петрович Довженко рассказывал о своей будущей картине «Аэроград» так образно, что мы словно видели ее на экране. Он говорил, что умолил бы строгого Отто Юльевича взять и его в экспедицию, если бы не «Аэроград».

Илья Сельвинский прочитал свои стихи, как умеет только он, с неповторимыми «сельвинскими» интонациями и «сельвинской» ритмикой. Луначарский слушал с восхищением:

— Вас бы прикладывать к каждому томику ваших стихотворений, чтобы любители поэзии могли не только глазами, но и слухом воспринять музыку ваших стихов.

Венцом вечера было выступление Анатолия Васильевича. Он прочитал «Думу про Опанаса» Эдуарда Вагрицкого. Это было великолепно! От его чтения веяло ни с чем несравнимой свежестью украинских степей и горячей романтической гражданской войны. Как жаль, что тогда не было магнитофонов и это мастерское чтение Анатолия Васильевича не сохранилось в маленькой, очень маленькой фотостеке его голоса. Он читал с такой силой, что, казалось, уже нет ни возраста, ни болезни, что это читает молодой человек, полный сил и здоровья...